

Судьба свои дела вершит
Не без подмоги человек...

В. Третьяковский

Глава первая

ЦЫГАНЕ

— *С*ивый, Сивко! Иди, иди сюда! Сивушко, миленький! Ну иди же ко мне, башка твоя дубовая!

Голос Антонины сорвался на крик, однако без толку: ни Сивко, ни Сивушко, ни «башка дубовая» с места не двинулся, лишь недоверчиво косил влажными карими глазами на девушку, которая держала в руке увесистый ржаной ломоть.

Конечно, черный хлеб, припорошенный солью, выглядел приманчиво, однако Сивка отлично знал, что за кушак хозяйки заткнута плетка, а в другой руке, спрятанной за спину, зажат недоуздок, которым его в один миг оборатают, лишь только он зазеваается.

Да еще и плетью угостят! Ну а потом одна дорога — обратно в конюшню, паяться в унылую деревянную загородку и ждать, когда хозяйка вставит ему в рот железные удила, взвалит на спину седло, вскочит сама и заставит то рысью, то трусцой мотаться на лесам-полях да прыгать через овражки, за малейшее непослушание охаживая по спине плеткой. Такое — Сивка знал — у нее называлось прогулкой. Только разве ж это прогулка?! Прогулка — это когда конь несется куда хочет, а не когда его направляет воля хозяйки, у которой нрав столь прихотлив: то жесток, то милостив. Мудрено ли, что Сивка не желает под эту волю возвращаться?

Нет, на приманку он не клюнет! Май нынче ранний да теплый, травыщи кругом уже вволю, вода в ручьях бежит — как-нибудь проживет он и без хлеба неволи, пусть даже и присоленного!

Конь мотнул головой, да так строптиво, что Антонина, которая затаила дыхание в надежде, что он вот-вот потянется губами к хлебу, мгновенно поняла: ничего не выйдет, Сивка сейчас ускачет и не вернется! Потеряла она коня — не простил той порки, которую задала ему хозяйка вчера за непослушание. Неужто прав был старый конюх Леонтий, который знай ворчал, расседывая Сивку и обтирая его взмыленные да исхлестанные бока: «Конь хоть и животное, а человеческое обращение любит, так будь с ним человечно, ведь и ты, и он Божьи твари!» И дед, значит, был прав, когда терпеливо увещевал: «Тонюшка, душенька, будь ты хоть малость помягче да помилостивее, Сивка тебя лучше бы слушался!»

Антонина не верила, потому что сама никогда не слушалась тех, кто был с нею мягок да милостив: ни няньку свою Дорофею, ни деда Андрея Федоровича, ни, понятное дело, конюха Леонтия. А вот когда приезжала подруга ее покойной матушки, графиня Елизавета Львовна Стрешнева, глядевшая свысока, цедившая слова сквозь зубы, Тонюшка ходила перед ней по струночке! А та на ласку скупилась — бывало, и на нитку Тонюшку сажала, когда та озорничала: привязывала к ножке стола или стула, и Боже упаси ту нитку разорвать — сразу выпорет графиня, да пребольно! Но такое редко случалось, ибо при ней Тонюшка была как шелковая, и в каждом слове ее, в каждом взгляде можно было услышать и увидеть только одно: желание угодить всемогущей Елизавете Львовне, которая живет в своем имении где-то между Владимиром и Москвой, а в Арзамас наезжает не чаще чем раз в год, чтобы проведать своих старых-престарых незамужних тетушек, обитавших в доме ее покойных родителей, ибо сама графиня родом тоже была арзамасская. Раньше она никакой графиней, честно говоря, не была... просто-напросто граф Стрешнев, случайно встретившись с ней, некогда женился на ней не то из-за несказанной красоты, не то из-за богатейшего приданого, которое помогло ему навести порядок в его вотчине¹ Стрешневке и прочие дела поправить. Теперь графиня то в Стрешневке жила, то в Москву наезжала.

¹ В ó т ч и н а — наследственное земельное владение (старин.). Здесь и далее прим. автора.

Москва манила Тонюшку так же неодолимо, как манит в студеный день ясное солнышко. Смотрела бы на него да не насмотрелась! Но до солнца добраться можно только в сказках, которые плетет на ночь глядя нянька Дорофея, норовя унять, утешить, успокоить своенравное дитяtko. А дитяtko в сказки не верит — верит только в скупые рассказы Елизаветы Львовны о Москве, о ее ровных мостовых, по которым с утра до ночи, а то и далеко за полночь звонко цокают копыта и гремят колеса, о нарядных и веселых людях, которые в Москве живут. А иные, самые везучие и счастливые, поселились даже не в Москве, а в стольном граде Петербурге, и среди них молодой граф Михаил Иванович Стрешнев, сын Елизаветы Львовны... Это был постоянный посетитель девичьих снов Антонины — девичьих, но отнюдь не скромных, ибо скромницей она не была отродясь, зато ловко таковой притворялась — именно для графини Елизаветы Львовны. В своей низенькой светелке, которую озаряла свечка, торчащая из закопченного подсвечника, она предавалась мечтам столь смелым и дерзким, что графиня Стрешнева была бы изумлена до крайности, если бы могла о них узнать!

Что и говорить, Елизавета Львовна Стрешнева и сама была отчасти виновата в этих мечтаниях, ибо при каждой встрече с Антониной сулила, что, лишь девочка подрастет, она будет взята в Стрешневку горничной — за красоту и умение угождать. Верно: ежели с кем была Антонина приветлива, ежели и угождала кому, то лишь графине, видя

в ней существо безусловно высшее, достойное подражания и почтения.

Госпожа Стрешнева приказала деду Антонины позаботиться о ее образовании, и Антонину научили бегло читать (впрочем, выдуманные истории ее очень мало привлекали!) и разборчиво писать (грамоту она хорошо усвоила и писала куда лучше своего учителя-дьячка). Елизавете Львовне желательно было иметь не столько горничную, сколько хорошенькую и мало-мальски образованную компаньонку (по-старинному говоря, наперсницу) — по той моде, которая установилась в обеих русских столицах в последние времена, когда новомодные европейские обычаи вытеснили дедовские, исконно русские. Как водится и будет водиться из века в век, низшие подражали высшим, так что и дамы придворные, и ко двору не приближенные заводили себе компаньонку — для доверительных бесед и мелких услуг. К тому же графиня Стрешнева любила все красивое, а ведь Антонина была подлинной красавицей: с гладкими, смолью отливающими волосами, смуглолицая, с пухлыми алыми губами, гордым изломом бровей и черными жгучими глазами.

Впрочем, у Елизаветы Львовны была еще одна причина принимать участие в судьбе дочери ее покойной подруги, однако об этой причине никто не ведал, кроме самой графини и Андрея Федоровича Гаврилова, деда Антонины. Он уповал на Божье милосердие и надеялся, что об этом деле так никто и никогда не узнает. Графиня же Елизавета Львовна весьма чтит Евангелие от Луки, в котором сказано: нет ничего тайного, что не сделалось

бы явным, ни сокровенного, что не сделалось бы известным и не обнаружилось бы. Она, при внешней надменности и даже суровости, была жалостлива и надеялась, что печальная правда откроется уже после того, как ей удастся увезти Антонину из Арзамаса, так что удар поразит девушку с меньшей, не убийственной силой.

Нрав Антонина имела вспыльчивый, и когда бури волновали глубины ее души, из ее глаз ну просто-таки искры сыпались! Однако она была умна, а потому умела очаровать любого, если давала себе труд постараться. Да, люди на ее счет могли ошибаться, но животные не ошибались никогда, именно поэтому ни кошки, ни собаки к ней никогда не ластились, хоть и опасались царапаться, кусаться и даже облаивать — чужали, что для них это может очень плохо закончиться! — а с лошадьми Антонина могла поладить только с помощью плетки. Она не замешкалась бы и сейчас пустить плетку в ход, чтобы укротить упрямого Сивку, однако для этого надо было подобраться к нему поближе, а как это сделать, если он даже от хлеба с солью воротит морду свою упрямую?!

Вот уже повернулся, вот сейчас ускачет прочь...

Но Сивка внезапно вскинул голову, насторожился, запрядал ушами, словно прислушивался к чему-то. Шея его тревожно выгнулась. В то же мгновение раздался тихий свист, и Антонина поняла, что свист раздавался и раньше, но она его не расслышала, а конь своим острым слухом уловил этот звук, оттого и насторожился.

Что за свист? На птичий не похож!

Вот свист раздался вновь. Сивка переступил с ноги на ногу, а потом сделал несколько шагов к березовому подлеску. Если он туда канет, сразу из глаз скроется, за ним не уследишь, почует свободу – убежит.

– Стой! – крикнула Антонина, и конь испуганно взвился на дыбы, заметался из стороны в сторону, круша копытами молоденькие деревца и поворачиваясь к бывшей хозяйке. Антонина завизжала было вновь, на сей раз от страха, однако кто-то с силой дернул ее за руку, оттаскивая в сторону.

Антонина изумленно уставилась на маленькую, худенькую, совсем юную девушку с черными кудрями, небрежно прикрытыми переливчатым алым платком. Одета она была в дикую¹ холщовую рубаху и домотканую полосатую юбку. Одежда самая простая, но алый платок... такие нечасто увидишь, на ярмарке за них огромные деньги торговцы дерут, ибо шелк для них везут из каких-то баснословных стран! Откуда же у этой простенькой девчонки такой платок? Может, украла где-то?..

– Молчи, – шепнула тем временем девушка, глядя на Антонину чуть раскосыми черными глазами. Брови ее прихотливо разлетались к вискам, большой рот, чудилось, постоянно готовился к улыбке. Она была похожа на диковинную птичку. – Не мешай Янору.

– Кому? – пробормотала Антонина, однако

¹ Дикий холст – небеленый, тускло-серого или соломенного цвета.

девушка прижала палец к губам и выразительно повела глазами в сторону.

Антонина проследила за ее взглядом и увидела какую-то тень, мелькнувшую в зарослях. Оттуда снова послышался свист, и Антонина заметила, что Сивка уже не мечется, а спокойно переминается с ноги на ногу. Не переставая посвистывать, тень выдвинулась из зарослей — и Антонина увидела, что это человек, одетый в черное. Он метнулся вперед и вмиг оказался верхом на Сивке, яростно крикнув:

— Лачи, бенг рогэнса!¹

К изумлению Антонины, конь не сбросил всадника, даже не вздыбился, а замер, словно заколдованный, и девушка смогла разглядеть незнакомца.

Это был смуглый парень лет восемнадцати-двадцати, не больше, в черных штанах и черной рубаше, подпоясанной веревкой, в лихо заломленной войлочной шляпе, из-под которой выбивались смоляные кудри. В ухе остро блеснула круглая — кольцом — золотая серьга. Ноги его, обутые в высокие сапоги, сжимали бока Сивки. Одной рукой он вцепился в гриву, а другую протянул к Антонине и, нетерпеливо прищелкнув пальцами, на которых сверкнули золотые перстни, отдал какой-то странный приказ:

— Совари!

— Что? — хлопнула Антонина глазами.

— Уздечку ему дай! — подсказала девушка и, не дожидаясь, пока ошеломленная Антонина сообра-

¹ Тихо, черт с рогами! (*цыганск.*)

зит, что надо делать, выхватила у нее недоуздок и бросила парню, который ловко подхватил тонкий ремень и, свесившись со спины коня, поднес недоуздок к его рту.

Сивка строптиво вздернул голову.

— Не возьмет! — пробормотала Антонина, оскорбленная тем, что этот незнакомец делает с ее конем все что хочет, а тот слушается.

— У Яноро да не возьмет?! — усмехнулась девушка. — Что ты! Еще как возьмет!

И, прежде чем она проговорила это, конь принял ремень недоуздка и, покорно наклонив голову, потянул зубами листок с березки.

— Гэниито, сыво грай! Гожони!¹ — накинув узду на ветку, проговорил парень (Антонина ни слова не поняла, однако по выражению лица угадала, что незнакомец Сивку хвалит), спрыгнул с коня и отошел от него, не сводя с Антонины озорных, даже дерзких черных глаз.

Странно... девушке вдруг показалось, что она уже где-то видела эти глаза, окруженные длинными, круто загнутыми ресницами.

Впрочем, сейчас не до этого странного незнакомца с такими знакомыми глазами.

— Сивка сейчас убежит! — вскрикнула девушка испуганно. — Дай мне узду!

— Тихаэ!² — прошипел парень на том же странном языке, однако это слово Антонина сразу поняла и испуганно умолкла.

¹ Хороший конь, серый конь! Красавец! (цыган.)

² Тихо! (цыган.)

В самом деле, чего это она разоралась? Испугается Сивка и ускачет прочь...

— Не надо на коня кричать, — негромко сказал незнакомец. — Бить коня не надо. Говори с ним ласково — он все поймет, люби его — он все для тебя сделает.

Ну надо же! И черноглазый туда же! Да слышала, слышала Антонина уже это! От деда, от Леонтия слышала! Надоело, когда повторяют одно и то же!

Она сердито нахмурила брови, но парень вдруг расхохотался:

— Смотри, Флорика, ну до чего она на баро Тодора похожа! Как вылитая! Особенно когда злится!

Антонина вытаращила глаза. Ого, так он не только какой-то тарабарщиной изъясняется! Он и по-русски говорит, хотя и немного странно произносит некоторые слова.

Из какого же он народа? И кто такой этот баро Тодор? Почему Антонина на него похожа?!

Она подозрительно посмотрела на парня. Ишь, одежда его — рвань рванью, а золота на себя навесил — небось даже на графине Стрешневой столько не увидишь! У девушки, которую, как легко было понять, зовут Флорикой, всего одно маленькое колечко, да и то не на пальце, а на нитяном шнурке на шее висит. А этот... золотых дел мастера ограбил, что ли?! Судя по хищному, дерзкому взгляду, он способен на все что угодно!

Тем временем Флорика внимательно оглядела Антонину и усмехнулась:

— Что ж странного в ее сходстве с баро Тодо-

ром? Она и на тебя похожа, Яноро. Ведь вы брат и сестра!

Антонина даже рот открыла. Что за сумасшедшие встретились ей в лесу?! Следовало бы высокомерно посмеяться над их бреднями, однако она едва не задохнулась от возмущения.

— Что вы несете?! — крикнула яростно и даже топнула сапожком, но замерла, вдруг сообразив, где раньше видела эти черные глаза, окруженные длинными ресницами.

Да в зеркале! В зеркале, когда смотрелась в него, любуясь своей красотой, своими глазами, своими ресницами!

У Яноро такие же глаза, как у нее. Совершенно такие же глаза...

— Кто ты такой? — испуганно прошептала Антонина. — И о чем говоришь?

— Я цыган, — усмехнулся Яноро. — И ты цыганка, хотя всего лишь наполовину. Моего отца звали Тодором. Он был и твоим отцом. Ты моя единокровная сестра.

Эти слова были настолько нелепы, настолько оскорбительны, что возмущение помогло Антонине перевести дух и собраться с силами. Дед говорил, что она и впрямь похожа на своего отца, однако им был никакой не баро Тодор, а гвардейский поручик Федор Иванович Коршунов, павший в чужих краях и там же преданный земле. Антонина его никогда не видела — так же, как и свою матушку, умершую при родах, — однако и дед, и нянька рассказывали, что отец был смугл, черноглаз и черноволос: дочка удалась вся в него.